

ЧАСТЬ II

Мы
и они

ВОЗМОЖНО,
ВОЙНА —
НЕ В ПРИРОДЕ
ЧЕЛОВЕКА

**ПОЧЕМУ
МЫ ВОЮЕМ**

Брайан Фергюсон

Существует ли у людей (или, возможно, только у мужчин) появившаяся в результате эволюции предрасположенность убивать членов других групп? Не просто способность убивать, а врожденная склонность братья за оружие, толкающая нас к коллективному насилию? Ключевое слово — «коллективный». Люди дерутся и убивают по личным причинам, но убийство — это не война. Война — явление социальное, когда одни группы организуются, чтобы убивать представителей других групп. Сегодня дискуссии о первопричинах военных противостояний сосредоточены вокруг двух полярных точек зрения. Согласно одной, война — это проявление сформировавшейся в ходе эволюции предрасположенности к устранению любых потенциальных соперников. По этому сценарию наши предки, начиная с наших общих с шимпанзе сородичей, всегда вели войны. В соответствии с другой точкой зрения, вооруженные конфликты появились только в течение нескольких последних тысячелетий, когда изменившиеся социальные условия обеспечили мотивацию и структуру для коллективного убийства. Сторонников этих двух противоположных точек зрения антрополог Кит Оттербейн (Keith Otterbein) назвал «ястребами» и «голубями». Этот спор также тесно связан с вопросом о том, можно ли определить инстинктивные воинственные наклонности у шимпанзе.

Если кровопролитие выражает врожденные наклонности, то, следовательно, в данных о доисторическом периоде должны быть свидетельства ведения войн в небольших сообществах. «Ястребы» утверждают, что мы действительно обнаружили такие факты. «Когда по данным археологии вырисовывается четкая картина существования любого общества на Земле, то почти всегда присутствуют свидетельства ведения войн <...>. По довольно консервативной оценке, в 25% всех случаев смерть людей наступала в результате военных действий», — пишут археолог Стивен Леблан (Steven A. LeBlanc) и его соавтор Кэтрин Реджистер

(Katherine E. Register). При таком количестве жертв, заявляют эволюционные психологи, война служила механизмом естественного отбора, при котором победу одерживали наиболее приспособленные, завоевывая брачных партнеров и ресурсы.

Такая точка зрения получила широкое распространение. Политолог Фрэнсис Фукуяма писал, что корни недавних войн и геноцида уходят на десятки или сотни тысяч лет назад, к нашим прародителям — охотникам-собираателям или даже к нашему общему с шимпанзе предку. Брэдли Тэйер (Bradley Thayer), ведущий специалист по международным отношениям, считает,

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- Действительно ли ведение войн присуще человеку как виду? Или же войны появились после того, как структура общества стала постоянно усложняться?
- Относительно этой проблемы ученые разделились на два лагеря, условно названных «ястребами» и «голубями».
- Внимательное изучение археологических и других данных показывает, что коллективное убийство стало следствием культурных условий, сложившихся в течение последних 12 тыс. лет.

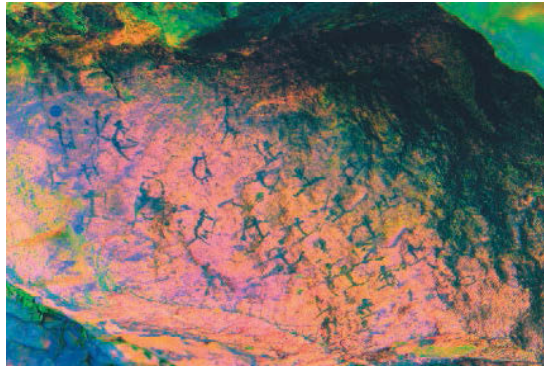
что эволюционная теория объясняет, почему инстинктивное стремление защищать собственное племя со временем трансформировалось в групповую склонность к этноцентризму и ксенофобии в международных отношениях. Если войны — это естественные вспышки бессознательной ненависти, зачем искать другие объяснения? Если стремление убивать чужаков заложено в человеческой природе, как долго мы сможем этого избегать?

Антропологи и археологи из лагеря «голубей» оспаривают такую точку зрения. Люди, заявляют они, обладают очевидной способностью вовлекаться в боевые противостояния, но в мозг человека не «вшита» программа идентификации и убийства чужаков в групповых конфликтах. Согласно этой точке зрения, смертоносные групповые нападения начались только в период, когда сообщества охотников-собираателей стали более крупными и более сложно организованными, и еще позднее — с появлением земледелия. Данные археологии, подтвержденные исследованиями культур современных охотников-собираателей, позволяют нам идентифицировать время и — до некоторой степени — социальные условия, которые привели к появлению и ужесточению военных конфликтов.

Когда это началось?

В поисках истоков кровопролитий археологи опираются на фактические данные четырех видов. Один из них — живопись на стенах пещер. В пещерах Пеш-Мерль, Коскер и Куньяк во Франции на относящихся к эпохе палеолита росписях, возраст которых составляет приблизительно 25 тыс. лет, присутствуют символы, которые ряд ученых воспринимают как изображения копий, пронзающих людей. На этом основании делается вывод, что люди вели войны уже в позднем палеолите. Однако подобная трактовка оспаривается. Другие ученые указывают, что на этих наскальных рисунках некоторые незаконченные фигуры имеют хвосты, и поэтому изогнутые или волнистые линии, пересекающие такие фигуры, скорее всего, обозначают шаманские силы, а не копья. Напротив, наскальные рисунки в пещерах Пиренейского полуострова, выполненные, вероятно, оседлыми земледельцами несколько тысячелетий спустя, явно содержат сцены битв и казней.

Свидетельством ведения войн также служит оружие, но подобные артефакты могут быть вовсе не тем, чем кажутся. Я

Свидетельства ведения войн более 5 тыс. лет назад появляются в образцах наскальной живописи, обнаруженных в пещерах на Пиренейском полуострове

воспринимал булавы как доказательство ведения войн, пока не узнал больше о каменных булавах Ближнего Востока. В большинстве из этих орудий отверстия для рукоятей такие узкие, что они не выдержали бы в битве и одного удара. Булавы также символизируют власть, а установление закона может обеспечить разрешение конфликта без войны. С другой стороны, вполне можно воевать и без традиционного оружия: на юге Германии примерно в 5000 г. до н.э. сельских жителей перебили теслами, которыми обычно пользовались для обработки древесины.

Помимо оружия и искусства, археологи также ориентируются на данные, полученные при изучении остатков поселений. Обычно те, которые боятся нападений, принимают меры защиты. Благодаря археологическим находкам мы иногда наблюдаем, что люди, ранее обитавшие в разбросанных по всей равнине отдельных жилищах, начинают селиться в укрепленных деревнях. Неолитические поселения на территории Европы окружали ограждения в виде насыпей. Но, похоже, не все подобные ограждения строились для защиты. Некоторые могли отделять определенные социальные группы.

Казалось бы, костные останки идеальны для определения времени, когда впервые начались войны, но даже такие данные требуют тщательной оценки. Только одно из трех или четырех ранений, нанесенных метательным оружием, оставляет след на кости. Каменные или костяные наконечники копий или стрел, захороненные вместе с телом, иногда имеют ритуальный характер, а иногда означают, что они послужили причиной смерти. Следы незаживших ран на костных останках могут свидетельствовать о несчастном случае, казни или убийстве. Действительно, убийства были довольно распространены в доисторический период, но это не война.

ОБ АВТОРЕ

Брайан Фергюсон (R. Brian Ferguson) — профессор антропологии в Рутгерском университете в Ньюарке. Его научная деятельность посвящена объяснению причин войн.

И не все схватки были смертельны. В отдельных захоронениях археологи часто находят черепа с вмятинами от заживших черепных травм, но только некоторые из них могли послужить причиной смерти. Подобные находки указывают, что личные конфликты разрешали с помощью дубинок или другим не смертельным способом, которые, как подтверждают данные этнографии, довольно распространены. Если же черепа преимущественно женские, то трещины могут свидетельствовать о домашнем насилии.

Кроме того, собранные по всему миру археологические данные часто неоднозначны и их трудно интерпретировать. Нередко необходимо соединить разные факты, чтобы можно было говорить о вероятности ведения войны в прошлом. Тем не менее целенаправленная археологическая работа — извлечение хорошего материала в результате проведения многочисленных раскопок — должна давать возможность хотя бы предполагать, что велась война.

И все-таки, если учитывать вышесказанное, имеются ли настоящие признаки того, что человечество вело войны на протяжении всей истории существования вида? Если в выборку включать только известные находки с высокой частотой предсмертных ран (тех, которые были получены непосредственно перед смертью или в ее момент), то ситуация выглядит довольно печально. Отсюда и возникают такие оценки, согласно которым насильственная смерть наступала в 25% случаев. Ошибочные представления появляются и из-за того, как преподносят информацию популярные СМИ. Любое открытие, связанное с убийствами в древности, выносится в заголовки. При этом в новостях игнорируют бесчисленное количество раскопок, в которых находки не содержат следов насилия. Всесторонняя проверка сведений о том, как часто в конкретных регионах в определенный период встречаются, если вообще наблюдаются, даже намеки на ведение войн, приводит к совершенно иной картине. Войны не были настолько распространены, и свидетельства их ведения не так уж часто встречаются в археологической летописи. У военных конфликтов действительно было начало.

Первые военные действия

Многие археологи выдвигают предположение, что войны впервые начались в некоторых регионах после окончания последнего ледникового периода, в мезолите — около 9700 г. до н.э., — когда охотники-собиратели в Европе перешли к оседлому образу жизни в более сложноорганизованных сообществах. Но на самом деле простого ответа нет. Войны впервые начались в разных местах в разное время. Более полувека археологи считают, что обнаруженные в Джебель-Сахабе в долине Нила на севере Судана многочисленные останки с признаками насильственной смерти относятся к еще более раннему периоду, приблизительно к 12 000 г. до н.э. К конфликту могла привести жесткая конкуренция между группами оседлых охотников-собирателей из-за снижения количества пищевых ресурсов в этом некогда богатом районе.

Относящиеся к чуть более позднему периоду стоянки, оружие и захоронения, обнаруженные на севере долины реки Тигр, указывают на то, что между 9750 и 8750 гг. до н.э. велись войны между поселениями охотников-собирателей. Недалеко найдены первые известные укрепленные поселения земледельцев, датируемые 7 тыс. до н.э., а первое завоевание городского центра произошло между 3800 и 3500 гг. до н.э. К тому времени на всей территории Анатолии война стала распространенным явлением, частично в связи с завоеванием переселенцами из северной части долины реки Тигр.

Напротив, на юге Леванта (от Синая до Сирии и юга Ливана) ни в поселениях, ни среди оружия или костных останков археологи не нашли убедительных доказательств ведения войн приблизительно до 3200 г. до н.э.

В Японии среди групп охотников-собирателей крайне редко встречались случаи насильственной смерти в период с 13 000 до 800 г. до н.э. С появлением культуры выращивания риса приблизительно в 300 г. до н.э. признаки убийства наблюдаются чаще, чем на одних из десяти останков.

В хорошо изученных археологических памятниках Северной Америки кое-какие из травм, которые обнаружили при

изучении костных останков, датированных очень ранним периодом, похоже, появились в результате личных, а не коллективных конфликтов. Археологический памятник во Флориде содержит свидетельства многочисленных кропролитий, произошедших около 5400 г. до н.э. На Тихоокеанском Северо-Западе такие же свидетельства появляются после 2200 г. до н.э., однако на юге, на Великих равнинах, зафиксирована только одна датированная до 500 г. н.э. насильственная смерть.

Почему это произошло?

Предпосылки к возникновению войн включают переход к оседлому образу жизни, рост численности населения в регионе, концентрацию ценных ресурсов, таких как домашний скот, увеличение сложности социальной организации и появление иерархии, торговлю ценными товарами, а также установление границ групп и коллективной идентичности. Эти условия иногда сочетались с серьезными изменениями окружающей среды. Война в Джебель-Сахабе, например, могла начаться из-за экологического кризиса, когда произошло понижение поймы Нила, приведшее к исчезновению плодородных заливных территорий, и люди в конце концов оставили эту местность. Позднее, столетия спустя после появления земледелия, находки неолитического периода в Европе (это только один из примеров) свидетельствуют, что когда людям есть за что сражаться, их сообщества начинают организовываться таким образом, чтобы обеспечить большую готовность для начала войны.

Археологические данные тем не менее имеют определенные ограничения, и мы должны искать ответы где-то еще. Предпосылки для возникновения войн могут проиллюстрировать данные этнографии — науки, изучающей различные культуры как в настоящем, так и в прошлом. Основные различия наблюдаются между «примитивными» и «сложноорганизованными» сообществами охотников-собирателей.

Большую часть времени, в течение которого существует человечество (более 200 тыс. лет), сообщества людей занимались простым собирательством и охотой. В общих чертах это выглядит следующим образом: такие объединенные группы людей существуют в виде небольших кочевых эгалитарных племен, которые расселяются на большой территории с низкой плотностью населения и обладают незначительной собственностью.

Сложноорганизованные сообщества охотников-собирателей, наоборот, живут в постоянных поселениях с населением из нескольких сотен человек. Они поддерживают социальную иерархию родственных групп и отдельных личностей, ограничивают доступ к пищевым ресурсам по линии родства и имеют более развитую систему политического лидерства. Признаки подобной сложной социальной организации впервые наблюдаются в мезолите. Появление сложноорганизованных сообществ охотников-собирателей иногда (но не всегда) связано со стадией, переходной к земледелию, которое служило основой для развития государственного строя. Кроме того, такие группы часто вели войны.

Однако предпосылки к возникновению войн — это всего лишь часть истории, и просто их наличия недостаточно, чтобы предсказать вспышки групповых конфликтов. В Южном Леванте, например, такие предпосылки существовали тысячи лет и при этом отсутствуют свидетельства ведения войн.

Тогда почему конфликты не возникали? Оказывается, во многих сообществах существуют также определенные предпосылки для мирного существования. Множество общественных договоренностей сдерживают войны: межгрупповые связи за счет родства и заключения браков; совместная охота и земледелие или разделение пищи; гибкость общественного устройства, позволяющая отдельным личностям перемещаться в другие группы; нормы, в рамках которых ценится мир и порицается убийство; и, наконец, признанные способы разрешения конфликтов. Эти механизмы не устраняют серьезный конфликт, но переводят его в такое русло, когда предотвращается убийство и в столкновении участвует ограниченное число людей.

Если это так, то почему более поздние археологические находки, а также наблюдения этнографов и антропологов насыщены свидетельствами смертельных конфликтов? В течение тысячелетий предпосылки для возникновения войн становились более распространенными в разных местах. Однажды появившись, война имеет тенденцию распространяться, при этом люди, склонные к насилию, замещают менее агрессивных. По всему миру основываются государства, а государства способны военизировать людей на периферии и вдоль торговых путей. Природные катаклизмы, такие как частая засуха, усугубляют

Как насчет наших родственников шимпанзе?

Антропологи выясняют, проявляют ли близкородственные приматы врожденную склонность к групповому убийству

Углубленное изучение вопроса о предрасположенности человека к ведению войн часто требует выхода за рамки нашего вида и исследования опыта родственных человеку шимпанзе. Я занимаюсь этой темой много лет и сейчас заканчиваю книгу «Шимпанзе, "война" и история» (*Chimpanzees, "War," and History*). Слово «война» я беру в кавычки, потому что у шимпанзе в межгрупповых конфликтах, которые иногда бывают коллективными и смертельными, отсутствуют социальные и когнитивные характеристики, присущие человеческим войнам.

В человеческих войнах участвуют противоборствующие стороны, часто включающие множество локальных групп, объединенных различными формами политической организации. Ведение войны поощряется особыми системами культуры — знаниями и ценностями, которые придают могущественный смысл выражению «мы против них». Такие социальные конструкции не имеют аналогов у других приматов. Несмотря на указанные различия, некоторые ученые утверждают, что шимпанзе демонстрируют врожденную склонность убивать чужаков, унаследованную от последнего общего предка шимпанзе и человека. Эта же сила, по их мнению, все еще подсознательно толкает людей к ожесточенным конфликтам с себе подобными из других сообществ.

В своей книге я оспариваю утверждение, что самцы шимпанзе обладают врожденным стремлением убивать чужаков. Наоборот, самое воинственное поведение может быть связано с особыми условиями, которые сложились в результате вмешательства людей в жизнь этих обезьян. Для разработки этой темы требовалось изучить все сообщения о случаях убийств у шимпанзе. Исходя из таких данных, можно сделать простые выводы. Критический анализ последних

подборок материалов об убийствах среди шимпанзе на 18 участках наблюдения — в сумме 426 лет полевых исследований — показывает следующее. Из 27 наблюдавшихся или предполагаемых случаев межгруппового убийства взрослых и подростков 15 стали результатом всего двух крайне неоднозначных ситуаций, которые возникли на двух участках в период наблюдений в 1974–1977 гг. и 2002–2006 гг. соответственно.

Два случая за девять лет полевых наблюдений — при подсчете получается, что в эти годы ежегодная частота убийства равна 1,67. В остальные 417 лет наблюдений этот ежегодный показатель в среднем составляет 0,03. Вопрос в том, объясняются ли выпадающие значения сформировавшимся в ходе эволюции адаптивным поведением или это результат вмешательства человека. Некоторые биологи-эволюционисты предполагают, что убийства обусловлены попытками сократить число самцов в конкурирующих группах. Однако те же данные показывают, что если из числа межгрупповых убийств самцов вычесть количество убийств внутри группы, то в результате межгруппового убийства численность самцов-чужаков сокращается на одну особь каждые 47 лет, реже, чем один раз за время жизни шимпанзе.

Сравнительное исследование конкретных примеров позволяет мне сделать вывод о том, что «война» среди шимпанзе — это не эволюционная стратегия, а вынужденный ответ на вмешательство человека. Последовательный анализ каждого случая покажет, что шимпанзе как вид — не «обезьяны-убийцы». Такое исследование ставит под сомнение теорию о том, что склонность человека к воинственному поведению может быть обусловлена древним генетическим наследием далекого общего предка шимпанзе и человека.

и создают условия, которые ведут к войне, а когда природные условия меняются к лучшему, мир так и не наступает. Особенно примечательно обострение в средневековом теплом периоде с 950 по 1250 г. н.э., который быстро сменился малым ледниковым периодом, начавшимся около 1300 г. н.э. В ту пору наблюдается увеличение числа военных конфликтов по всему миру, в том числе на территории обеих Америк и в Тихоокеанском регионе. В большинстве регионов мира к тому времени войны велись уже давно, но конфликты обострились, и это привело к резкому росту числа жертв.

Затем началась мировая экспансия европейцев, которая привела к трансформации и обострению, а иногда и к возникновению локальных военных конфликтов по всему миру. Конфронтации происходили не только в связи с сопротивлением завоеванию. Начались войны между представителями местного населения, которых колониальные власти вовлекали в новые военные действия и которые начинали враждовать из-за предлагаемых им товаров.

Взаимодействие между древними и современными расширяющимися государствами и вытекающие из этого конфликты способствовали ускоренному разделению и формированию особого племенного самосознания. Области, не подлежащие колониальному контролю, подверглись изменениям, связанным с масштабным влиянием торговли, болезней и вытеснением населения, каждое из которых вело к войне. Государства также провоцировали конфликты среди местного населения за счет насаждения политических институтов с четкими границами, которые заменяли аморфную местную самобытность и власти с ограниченными полномочиями, с которыми колонизаторам часто приходилось сталкиваться во время колониальных набегов.

Чтобы подтвердить теорию о том, что склонность человека втягиваться в смертельные групповые конфликты предшествовала появлению государства, ученые часто ищут свидетельства военных конфликтов в «племенных районах», которым, кажется, свойственны войны между

«дикарями», часто рассматриваемые как проявление человеческой природы. Но тщательное изучение зафиксированных этнографами случаев насилия среди местного населения позволяет посмотреть на ситуацию с иной точки зрения.

Примером заблуждений, связанных с проецированием этнографических наблюдений за современными людьми на далекое прошлое человечества, служат охотники-собиратели с северо-запада Аляски периода с конца XVIII в. до конца XIX в. В их устной традиции сохранились подробные предания о жестокой войне, в которой массово убивали жителей поселений. Эту историю о беспощадном убийстве приводят как доказательство ведения войн охотниками-собирающими до того, как их сообщества были разрушены расширяющимися государствами.

Однако данные археологии вместе с историей региона предоставляют основания для совершенно иной оценки. В археологических находках, связанных с примитивными культурами охотников-собирающих Аляски, датируемых ранним периодом, отсутствуют даже намеки на ведение войн. Первые признаки вооруженных столкновений относятся к периоду между 400 и 700 гг. н.э., и, вероятно, эти конфликты возникли в результате контакта с переселенцами из Азии или с юга Аляски, где войны уже велись. Однако такие конфликты имели ограниченный характер и, возможно, были не столь интенсивны.

В благоприятных климатических условиях к 1200 г. н.э. в сообществах этих китобоев сформировалась сложная социальная структура с более высокой плотностью оседлого населения и расширением зоны торговли. Спустя два века война стала распространенным явлением. Тем не менее в XIX в. война приобрела серьезные масштабы, причем настолько, что привела к уменьшению численности местного населения. Эти конфликты более позднего периода — те, которые нашли отражение в устной традиции, — были связаны с расширением государства по мере развития крупных торговых сетей из новых русских перевалочных пунктов в Сибири и привели к исключительной территориальности и централизации сложноорганизованных племенных групп вдоль Берингова пролива.

Суровая правда жизни? Вовсе нет

Спор о войне и природе человека будет разрешен еще не скоро. Теория о том, что

в доисторический период повсюду велись ожесточенные войны с большим количеством жертв, имеет много сторонников. Эта идея находит отклик у тех, кто уверен, что человечество как вид предрасположено к войне. Как сказала бы моя мама: «Просто обратитесь к истории!» Однако «голуби» получают перевес, когда во внимание принимаются все данные. В основном находки, датируемые ранним периодом, редко предоставляют свидетельства того, что война была суровой правдой жизни.

Люди есть люди. Они вступают в противоборство и иногда убивают. Человечество всегда обладало способностью вести вой-

Человечество всегда обладало способностью вести войны, если так диктовали условия и культура. Но подобные условия и порождаемые ими воинственные культуры появились только в течение последних 10 тыс. лет

ны, если так диктовали условия и культура. Но подобные условия и порождаемые ими воинственные культуры появились и распространились только в течение последних 10 тыс. лет, а в некоторых регионах — еще позже. Данные о многочисленных убийствах, о которых часто сообщается в истории, этнографии и археологии более позднего периода, опровергаются археологическими находками, датируемыми самым ранним периодом, по всему миру. Самые древние костные останки и артефакты служат подтверждением высказывания, вынесенного в заголовок вышедшей в 1940 г. статьи Маргарет Мид: «Война — это всего лишь изобретение, а не биологическая необходимость». ■

Перевод: С.М. Левензон

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- War in the Tribal Zone: Expanding States and Indigenous Warfare. Edited by R. Brian Ferguson and Neil L. Whitehead. School of American Research Press, 1992.
- Beyond War: The Human Potential for Peace. Douglas P. Fry. Oxford University Press, 2007.